

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Б. Шергин

ГОСТИ С ДВИНЫ

*Издательство
„Детская литература“*

Annotation

Много древних сказаний содержат русские летописи. Из лета в лето, то есть из года в год, любознательные люди заносили в летописные книги то, что сами видели и о чём слышали от знающих людей. Кроме письменных свидетельств, «преданья старины глубокой» без записей сохранялись в памяти народной. Памятливые старики изустно передавали детям сказания о старинных временах. И те, тоже изустно, без записей, пересказывали их внукам и правнукам.

- [Борис Шергин](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Марья Дмитриевна Кривополенова](#)
  - [Вавило и скоморохи \[4\]](#)
  - [Дед Пафнутий Анкудинов](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
-

Борис Шергин
Гости с Двины

Предисловие

Много древних сказаний содержат русские летописи. Из лета в лето, то есть из года в год, любознательные люди заносили в летописные книги то, что сами видели и о чём слышали от знающих людей.

Кроме письменных свидетельств, «преданья старины глубокой» без записей сохранялись в памяти народной. Памятливые старики изустно передавали детям сказания о старинных временах. И те, тоже изустно, без записей, пересказывали их внукам и правнукам.

Эта устная передача богато украшена сказочным вымыслом. Так продолжалось сотни лет.

Жизнь в старину была беспокойна. Московские князья, стремясь собрать русскую землю воедино, притесняли Новгородское государство. Предприимчивые новгородцы уходили на Север, обживали берега Белого моря, построили корабли, стали отменными мореходцами. Зимой отдыхали в своих беломорских деревнях и посадах, слушали стариков. А старики неизменно славил в былинах Киев — мать городов русских, великий вольный Новгород, державную Москву белокаменную.

И все эти былины о древнерусских городах сохранились на Севере в течение многих веков и дожили почти до нашего времени.

Я, автор этой книги, родился и половину жизни прожил в городе Архангельске. Наша семья принадлежала к морскому сословию. Весною ребята-ровесники шли на парусных судах в Белое море и на Мурман.

Лето на Севере — время наряда и час красоты. Стоит беззакатный день; полночь разнится от полдня только неизъяснимой тишиной. Небо сияет жемчужным светом, отражаясь в зеркале морских вод.

Мы, корабельные ребята, не спим, караулим тишину и красоту. Не спит и наш кормщик шкипер Пафнутий Анкудинов. Он поёт былинку о морской ли глубине, о небесной ли высоте...

Чайки — большие, белые с голубым птицы — сидят рядами по бортам, по мачтам, по реям, слушают с нами. Но как только

полуночное солнце начнёт пригревать, из-за края моря с гиканьем полетят лебеди. За ними — с воем, с причитанием — вереницы чёрных гагар.

Зимою морское сословие сидит в Архангельском городе, в кругу своих семейных.

В праздники оживала память о скоморохах. Даже старики надевали шёлковые маски и участвовали в торжественных представлениях...

Виденное и слышанное я донёс до теперешних дней.

Вы, мои юные читатели, записывайте рассказы ваших дедов и бабушек. Лет через тридцать, через сорок вы убедитесь, как интересны будут для всех ваши записи.

Б. Шергин.

Марья Дмитриевна Кривополенова

Родина сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой — река Пинега, приток Северной Двины. На Пинеге и в начале века двадцатого можно было увидеть деревянную Русь. Там во всём: в архитектуре, в одежде, в песнях, в домашнем быту— Русь, в лице граждан Великого Новгорода, освоила Север ещё в четырнадцатом веке.

Неграмотная, но любознательная Кривополенова рассказывала о продвижении Руси на Север так, как будто сама в тех походах участвовала:

«Прежде на Двине, на Пинеге, на Мезени чудь ^[1]жила: народ смугл и глазки не такие, как у нас. Мы — новгородцы, у нас волос тонкий, как лён белый или как сноп жёлтый.

Мы, русские, ещё для похода на Пинегу и карбасов ^[2]не смолили, и парусов не шили, а чудь знала, что русь идёт, — раньше здесь леса были только чёрные, а тут появилась берёзка белая, как свечка тоненькая.

Вот мы идём по Пинеге в карбасах. Мужи в кольчугах, луки тугие, стрелы перёные, а чудь молча, без спору давно ушла. Отступила с оленями, с чумами, в тундру провалилась. Только девки чудские остались.

Вот подошли мы под берег, где теперь Карпова гора. Дожжинушка ударил, и тут мы спрятались под берег. А чудские девки — они любопытные. Им охота посмотреть: что за русь? Похожа ли русь на людей? Они залезли на рябины и высматривают нас. За дождём они не увидели, что мы под берегом спрятались. Дождь перестал, девки подумали, что русь мимо пробежала:

— Ах мы дуры, прозевали!

Для увеселенья и запели свою песню. По сказкам-то, никому во вселенной чудских девок не перевизжать.

Было утро, и был день. Наши карбасы самосильно причалили к берегу. Старики сказали:

— Вот наш берег: здесь сорока кашу варила.

Тут мы стали лес ронить и хоромы ставить...

В эту пору здесь у водяного царя с лешим царём война была. Водяной царь со дна реки камни хватал и в лешего царя метал. Леший царь ёлки и сосны из земли с корнем выхватывал и в водяного царя шибал. Мы водяному царю помогали. И за это водяные царевны не топят ребятишек у нашего берега...

Это всё мой дедушка рассказывал. Он от своих прадедов слышал. От них и былины петь научился.

Я у дедушкиных ног на скамеечке сидеть любила и с девяти лет возраста внялась [3] в его былины и до вас донесла».

Имя шестидесятилетней сказительницы Кривополеновой известно стало науке ещё в конце прошлого столетия. Но записи её былин покоились в академических шкафах, а Марья Дмитриевна, всю жизнь тяжело работавшая, жила в большой бедности: «Не замогу работать, пойду побираться».

Побиралась, на свадьбах невестины речи пела, на похоронах вопила. Тем и кормилась до семидесяти двух лет!

В 1915 году отправилась на Север О. Э. Озаровская, московская артистка и талантливая собирательница народных сказаний. Вскоре она писала в Москву:

«Собирая словесный жемчуг на Пинеге, уловила я жемчужину редкой красоты. Везу её в Москву».

Так попала пинежская сказительница в Москву белокаменную. Не многоэтажные дома, не автомобили поразили Кривополенову. Московской старине радовалась по-детски она. Побывала в Кремле, посмотрела гробницу Ивана Грозного, нашла даже за Москвой-рекой дом Малюты Скуратова. Всё, о чём пела она всю жизнь в былинах, — всё оказалось правдой!

Если Кривополенова была жемчужиной редкой красоты, то Озаровская явилась для неё оправой червонного золота, — она открыла людям талант сказительницы. В Москве, в Петрограде, на Украине слушатели горячо принимали «бабушку Марью Дмитриевну». Шёл 1916 год.

Помню её выступление в большой аудитории Московского Политехнического музея.

Слушателей набралось до трёх тысяч: студенты, гимназисты, художники, учёные.

Марья Дмитриевна вышла на эстраду. Молодёжь приветствовала её рукоплесканиями и возгласами:

— Здравствуй, милая бабушка!

Кривополенова ответила тремя истовыми поясными поклонами на три стороны по старинному обычаю:

— Здравствуй многолетно и ты, Москва, юная и прекрасная!

И зазвучала странная, непривычная мелодия, несхожая с русской песней. Это был голос древней былины, и слушатели восприняли его сначала как некий аккомпанемент. Но тут же сразу вникли в слова, прониклись содержанием. Ведь былина из Киева, Новгорода, Москвы, давным-давно переселившаяся на Север, нерушимо сохраняла общерусскую родную речь.

Кривополенова, блестящая исполнительница былин, и сама по себе была каким-то чудом и счастьем для всех, кто видел и слышал её. Маленькая, худенькая, одетая в тёмный, старинного покроя сарафан, застёгнутый сверху донизу на серебряные пуговицы, в тёмном вдовьем повойнике, она была похожа не то на девочку, не то на древнюю старуху. Приехав из дремучих лесов Севера, она не боялась многолюдной аудитории — наоборот, полюбила её, чувствовала себя непринуждённо и всегда и везде умела держать её в напряжённом внимании.

Слушатели воочию видели древних богатырей — Вольгу Святославича, Илью Муромца, Добрыню, — слышали тяжёлую поступь богатырских коней.

Сказительница рисует картину вражеского нашествия на Русь:

— В солнце знаменье страшное,
В полночь звёзды хвостатые,
Пред зарями земля тряслась,
Шла Орда на святую Русь.
На Руси петухи поют,
Не спит Рязань полуночная,
По стенам не спят караульщики,
По угольным башням дозорщики...

И два, и три часа пела Кривополенова, а бесчисленная аудитория воочию видела то, что внушала вещая старуха.

Не раз приезжала Кривополенова в Москву.

Посетила Марья Дмитриевна Третьяковскую галерею. Шла по залам усталая — день её начинался с четырёх часов утра. Но перед картиной Васнецова «Три богатыря» старуха оживилась, просияла.

— Глядите-ко, — обратилась она к окружавшим её посетителям. — Жили-были преславные богатыри. Не сказка-побаска, а жизнь бывала: Илья-то Муромец из-под ручки врага высматривает. На руке у него палица висит, свинцом налита, а ему как рукавичка.

И сказительница запела былинку:

— Взымет Илья палицу
Выше могутных плеч,
Жахнет палицей впереди себя,
Отмахнёт, отмахнёт созади себя,
Вправо, влево стал настёгивать,
Вражью силу обихаживать...
Взглянув на Добрыню, запела с улыбкой:
— Три года Добрынюшка стольничал
У князя Владимира в Киеве.
Три года Добрыня в послах живал
У неверных королей, у немецких.
У Добрынюшки вежество врождённое,
Хитрость-мудрость природная...

В 1921 году Кривополенова в последний раз была в Москве. Нарком Луначарский известил Озаровскую, что рад познакомиться с знаменитой ска-

зительницей. Его ждали с часу на час. Луначарский приехал вечером. Озаровская зовёт:

— Бабушка, Анатолий Васильевич приехал!

Кривополенова сурово отвечает:

— Марья Митревна занята. Пусть подождёт.

Нарком ждал целый час. Марья Дмитриевна наконец вышла:

— Ты меня ждал один час, а я тебя ждала целый день. Вот тебе рукавички. Сама вязала с хитрым узором. Можешь в них дрова рубить и снег сгребать лопатой. Хватит на три зимы...

Марья Дмитриевна и наркома покорила умом и достоинством.

...Вернулась Марья Дмитриевна на Пинегу. Снова началась бродячая жизнь сказительницы.

В 1924 году на Пинеге был недород, бесхлебица. Опять старухе пришлось себе и внукам добывать хлеб в скитаниях по деревням.

Однажды отправилась она в дальнюю деревню. Возвращалась оттуда ночью. Снежные вихри сбивали с ног. Кто-то привёл старуху на постоянный двор. Изба была битком набита заезжим народом. Сказительницу узнали, опростали местечко на лавке.

Сидя на лавке, прямая, спокойная, Кривополенова сказала:

— Дайте свечу. Сейчас запоёт петух, и я отойду.

Сжимая в руках горящую свечку, Марья Дмитриевна произнесла:

— Прости меня, вся земля русская.

В сенях громко прокричал петух. Сказительница былин закрыла глаза навеки...

Русский Север — это был последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополеновой совершился закат былины и на Севере. И закат этот был великолепен.

Вавило и скоморохи [4]

(Былина М. Д. Кривополеновой)

У честной вдовицы у Ненилы было чадо.

Он поехал нивушку орати [5],

А и белую пшеницу засевати.

Как по той по ниве, по дороге,

Шли Кузьма с Демьяном — скоморохи.

— А и здравствуешь, честной Вавило,

Соберёшь ты урожай великий.

— Вам спасибо, люди-скоморохи,

Вы куда идёте по дороге?

— Мы идём в безрадостное царство,

Переигрывать царя-собаку.

Он престрашно в свой гудок играет,

Род людской в печальный гроб сбивает.

Мы пошли в то царство песнь живую пети,

Род людской отманивать от смерти.

Ты пойдёшь, Вавило, с нами скоморошить? —

Говорит Вавило скоморохам:

— Я ведь песни пети не искусен,

Я в гудок играти не умею.—

Говорят Вавиле скоморохи:

— Заиграй, Вавило, во гудочек,

А во звончатый во переладец [6]

Мы, Кузьма с Демьяном, припоможем.—

Заиграл Вавило во гудочек,

А во звончатый во переладец.

А в руках его ведь были вожжи,

А и стали шёлковые струны.

А в руках-то было понюгальце [7],

А и стало тут ведь погудальце [8].

И Вавило скоморохам поклонился:

— Я своей судьбине покоряюсь —
Скоморохом быти обещаюсь!

Вот заходят с матерью проститься.
Стала их вдова за стол садити
И несёт на блюде курицу варёну.
А из блюда курица взлетела,
На печной столб села да запела.
А и были хлебы те ржаные,
А и стали белые, пшениые.
И вдова Ненила ужаснулась:
— Государи, вы меня простите,
На худом на угощенье не взыщити.—
Говорят Нениле скоморохи:
— Знай, вдовица, что твой сын отныне
Всей земле послужит в скоморошьем чине.—
И Ненила сына обнимает,
Скоморохом быть благословляет.

Вот идут скоморохи по дороге.
На гумне мужик горох молотит.
Говорят ему Кузьма с Демьяном:
— С барышом тебе горох-от молотити! —
Отвечает им мужик сердито:
— Скоморохи, вы шатающие люди,
Вы куда идёте по дороге?
— Мы идём в безрадостное царство,
Переигрывать царя-собаку.
Мы идём в то царство песнь живую пети,
Род людской отманивать от смерти.—
Отвечает им мужик сердитый:
— Тот царище вам ума прибавит,
На живых на ваших струнах вас удавит.—
Говорят ему Кузьма с Демьяном:
— Коль добра-то нам не мог ты сдумать,
Так и лиха ты бы нам не молвил.
Заиграй, Вавило, во гудочек,

А во звончатый во переладец.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец:
Налетели голуби стадами,
Налетели голубята табунами.
Их ведь стал мужик цепом шибати.
Зашибал, он думал, голубяток —
Настегал ведь он своих ребяток.
А и тут мужик-то сокрушился:
— Скоморохи эти не простые,
Тяжко я пред ними провинился.
Вот идут скоморохи по дороге,
А навстречу им торговец едет,
Воз везёт с кувшинами, с горшками.
Говорят ему Кузьма с Демьяном:
— С барышом тебе посудой торговати! —
А и тут торговец заругался:
— Скоморохи, вы бездомные собаки,
А и тот дурак, кто любит ваши враки.—
Говорят ему Кузьма с Демьяном:
— Коль добра-то нам не мог ты сдумать,
Так и лиха ты бы нам не лял.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец:
Налетели куропти с рябами,
Налетели утки с косачами.
На посуду стали тут садиться.
Начал их торговец палкой бити,
Битой птицы накидал возище
И на торг приехал в городище.
Тут над птицей диво сотворилось:
Оживали куропти с рябами,
Оживали утки с косачами,
Над базаром начали кружиться,
А базарный люд стоит дивится.
А торговец тяжко сокрушился:
— Скоморохи были не простые,

Тяжко я пред ними провинился.

Вот идут скоморохи по дороге,
На реке девица холст полощет.
Говорят же ей Кузьма с Демьяном:
— Набело тебе холсты-то полоскати! —
Отвечает добрая девица:
— Вам спасибо, люди-скоморохи.
Вы куда идёте по дороге?
— Мы идём в безрадостное царство,
Переигрывать царя-собаку.
Мы идём в то царство песнь живую пети.—
И девица встала, поклонилась:
— Вам желаю песнь живую сотворити,
Песней той всю землю обновити.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец.
А у той у доброй у девицы
Портна ^[9]были деревенские, холщовы,
А и стали атласны и шелковы.

И приходит час, приходит время,
И Кузьма с Демьяном и Вавило
Подошли к безрадостному царству.
Их учуял грозный царь-собака,
В свой гудок престрашно стал играти.
От того от страшного игранья,
А и где там были нивы и дороги,
Протянулись тины и болота.
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец:
Накатилась туча огневая,
С молоньями туча и с громами.
И горит, горит безрадостное царство.
И сгорело с края и до края.
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатый во переладец:

В небесах весенни зори заиграли,
Живоносные дожди на землю пали,
И несеяны хлеба заколосились,
Города и сёла взвеселились.
И Кузьму с Демьяном люди похваляют,
И Вавилу славят, величают,
Той землёю править наряжают.

Дед Пафнутий Анкудинов

Первый рассказ этой книжки посвящён Марье Дмитриевне Кривополеновой потому, что слава о ней прошла по всей России и пожилые люди с восхищением вспоминают эту сказочную старуху.

Но были на Севере талантливые рассказчики — мастера слова, которые никогда не выступали в театрах и клубах.

Умение говорить красноречиво, дары речи своей эти люди щедро рассыпали перед своими учениками и перед взрослыми при стройке корабля и в морских походах.

Таков был Пафнутий Осипович Анкудинов, друг и помощник моего отца.

Хвалил ли, бранил ли Анкудинов своих подручных, проходящие люди всегда остановятся и слушают серьёзно.

Помню упрёки, с которыми Анкудинов обращался к одному сонливому пареньку:

— Лёжа добра не добыть, лиха не избыть, сладкого куса не есть, красной одежи не носить.

Молодёжь рада бывала, когда шкипером на судно назначался Анкудинов.

В свободный час Анкудинов сидит у середовой мачты и шьёт что-нибудь кожаное. На нём вязаная чёрная с белым узором рубаха, голенища у сапог стянуты серебряными пряжками. Седую бороду треплет лёгкий ветерок. Ребята-юнги усядутся вокруг старика.

Мерным древним напевом Анкудинов начинает сказывать былинку:

— Не грозная туча накатилася,
Ударили на Русь злые вороги.
Города и сёла огнём сожгли,
Мужей и жён во полон свели...

Мимо нас стороной проходит встречное судно. Шкипер Анкудинов берёт корабельный рог-рупор и звонко кричит:

— Путём-дорогой здравствуйте, государи!

Шкипер встречного судна спрашивает:

— Далече ли путь держите, государи?

Анкудинов отвечает:

— От Архангельского города к датским берегам.

И встречное судёнышко потеряется в морских далях, как чайка, блеснув парусами.

И опять только ветер свистит в парусах да звучит размеренный напев былины:

— А и ехал Илья путями дальними.
Наехал три дороженьки нехоженных.
На росстани ^[10]Алатырь — бел горяч камень,
На камени три подписи подписаны:
Прямо ехать — убиту быть,
Вправо поедешь — богату быть,
Влево ехать — женату быть.
Тут Илья призадумался:
— Не поеду я дорогой, где богату быть,
Богатство мне, старому, ненадобно.
Не поеду дорогой, где женату быть,
Жениться мне, старому, не к чему.
А поеду я дорогой, где убиту быть,
Любопытствую увидеть, как меня убивать будут.—
А и едет Илья прямой дорогою.
По дороге накрыла ночка тёмная.
Добрый конь идёт, не спотыкается;
Что по сбруе у коня камни-яхонты,
На дорогу светят, как фонарики.
Подводит дорога к лесу к чёрному.
В том лесу застава зла, разбойничья,
На дубах сидят разбойники, как вороны,
Под корнями караулят, будто ястребы.
Разбойники Илью заприметили,
Со высоких дубов стали прядати ^[11],
Из-под дубова коренья завыскакивали,
На Илью они стаями насунулись,
Ладят богатыря с коня снести.

От седла Илья отхватывает палицу,
А и весу в этой палице девяносто пуд.
Вздымет, вздымет палицу выше могучных плеч,
Ударит палицей впереди себя,
Отмахнёт, отмахнёт созади себя,
Вправо и влево стал нахаживать,
Разбойническую силу стал настёгивать.
Что тут визгу, что тут писку, что тут скрежету!..
Валяются разбойники увалами [12],
Увалами ложатся, перевалами.
Не осталось в живых ни единого.
А и эта ночь кромешная скороталася,
Утренние зори зарумянились,
Над зорями облака закудрявились.
Снимал Илья с головушки свой золотой шолом,
На все стороны стал Илья отслушивать...
Тишина, тишина безглагольная.
Только слышно, край дороги ручеёк журчит.
На лету птичка утренняя посвистывает,
На болоте сера утица побрякивает...

Конечно, устное сказыванье пышным цветом цвело и в домашней обстановке. Люди морского сословия ходили друг к другу в гости целыми семьями. Молодёжь опять не даёт покоя Анкудинову:

— Дедушка, расскажи что-нибудь.

Старик иное и зацеремонится:

— Стар стал, наговорился сказок. А смолоду на полатях запою — под окнами хоровод заходит. Артели в море пойдут — мужики из-за меня плахами [13]лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отчеством. На промысле никакой работы задеть не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора— знай пой да говори. Вечером промышленники в избу соберутся— я сказываю. Вечера не хватит — ночи прихватим. Дале один по одному засыпать начнут. Я спрошу:

— Спите, государи?

— Не спим, живём. Дале говори...

Рассказы свои Анкудинов начинал прибауткой: «С ворона не спою, а с чижа споётся».

И заканчивал: «Некому петь, что не курам; некому говорить, что не нам».

---

notes

Примечания

1

Чудь — чудское, финское племя, в древности населявшее северную Русь.

Карбас — парусно-гребное судно древнерусского образца для речного и морского прибрежного плавания. Карбас лёгок, поворотлив на ходу; распространён на Севере до наших дней.

3

Внялась — вникла, поняла.

В моём изложении подчёркнута основная идея былины — могучая сила искусства.

5

Орати, орать — пахать.

6

Переладец — набор колокольчиков, аккомпанирующих гудку.

7

Понюгальце — кнут.

8

Погудальце — смычок для игры на гудке.

Портна — холст, полотно.

10

Росстань — перекрёсток.

Прядати, прядать — прыгать, скакать.

Увал — нагромождение.

Плахи — бревёшки.